

Якимова Елена Георгиевна, Мартьянов Евгений Юрьевич

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ И. В. СТАЛИНА

Статья представляет собой опыт анализа природы этики сталинизма, определяя ее как псевдорелигиозную систему. Анализ реализуется авторами через эсхатологический компонент псевдорелигии. Исследователями приводится ряд доказательств наличия эсхатологической составляющей в общественной и культурной жизни сталинской эпохи: опыт морального теоретизирования, анализ дефиниций словарных статей, исторический анализ социокультурной действительности исследуемого периода. Подобный синтез позволяет авторам статьи сделать вывод о том, что изменение системы этических категорий, особый характер общественно-политической и культурной действительности сформировали специфическую этическую систему, определяемую как псевдорелигия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 17+236

Философские науки

Статья представляет собой опыт анализа природы этики сталинизма, определяя ее как псевдорелигиозную систему. Анализ реализуется авторами через эсхатологический компонент псевдорелигии. Исследователями приводится ряд доказательств наличия эсхатологической составляющей в общественной и культурной жизни сталинской эпохи: опыт морального теоретизирования, анализ дефиниций словарных статей, исторический анализ социокультурной действительности исследуемого периода. Подобный синтез позволяет авторам статьи сделать вывод о том, что изменение системы этических категорий, особый характер общественно-политической и культурной действительности сформировали специфическую этическую систему, определяемую как псевдорелигия.

Ключевые слова и фразы: эсхатология; псевдорелигия; долг; полезность; страх; культ личности; Сталин.

Якимова Елена Георгиевна, к. филос. н.

Мартьянов Евгений Юрьевич

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

helena183@yandex.ru; e_martianov@yahoo.com

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ И. В. СТАЛИНА©

Обращаясь к вопросу о природе этики эпохи культа личности И. В. Сталина, мы неизбежно вступаем в ряд определенных противоречий. С одной стороны, этическую систему эпохи Сталина нельзя отрицать, поскольку существовала определенная парадигма этических категорий, с другой – невозможно говорить о существовании в эпоху Сталина светской этики, предметом которой бы являлась мораль. Неслучайно, В. Н. Назаров, один из крупнейших отечественных специалистов по истории этической мысли, отмечает, что с 60-х годов начинается период советской этики в развитии отечественной этической мысли XX века, характеризующийся «1) мировоззренческим единством этических исследований, что определяет совместный процесс достижения конкретно-теоретического знания о морали, и 2) моральным теоретизированием как основным способом функционирования этического знания» [7, с. 179].

Развивая мысль ведущего современного специалиста по этике А. А. Гуссейнова, В. Н. Назаров называет этот период «дефинитивным» [Там же, с. 181], подчеркивая необходимость разработки теоретической базы этики как главной задачи того времени. Атрибуция «дефинитивный» обозначает разработку и определение ряда фундаментальных понятий, появление структуры системы этических категорий, определение характера этики как светской науки, предметом которой является мораль.

В осмыслении В. Н. Назаровым данного периода в отечественной этической мысли последовательно реализуется идея о том, что моральная теория 60-х годов заменяет собой моральную идеологию прошлого: «Основным маркером этической традиции данного периода можно считать переход от моральной идеологии к моральной теории. Единство этической науки, тем не менее, не исключало наличие спорных и дискуссионных точек зрения по отдельным проблемам морали» [Там же, с. 182].

Для современного исследователя особое значение принимает исследование сущности феномена моральной идеологии, определение природы этической системы культа личности. Значительную актуальность данный тезис принимает в геополитической обстановке второго десятилетия XXI века, когда ценности нацизма начинают вновь пропагандироваться в обществе и культуре, когда в определенных государствах носители откровенно нацистской и тоталитарной идеологии занимают ведущие посты в государственном аппарате.

Определяя значительную актуальность указанной выше проблематики, данное исследование реализует попытку анализа парадигмы этического знания и категорий этики эпохи сталинизма. Гипотезой исследования будет являться тезис о том, что этика эпохи культа личности имеет эсхатологический и религиозно-фанатичный характер и является полноценной псевдорелигией, которая вступает в противоборство с религией и светским гуманизмом, стремясь их заменить. Исследовательский потенциал данной гипотезы требует комментария и уточнения.

Для наблюдения за особенностями исторического процесса общепринято обращаться к словарным статьям. Подобный метод позволяет наблюдать за изменениями дефинитивного ряда этики как сферы научного знания. Исследование таких изданий, как Большая советская энциклопедия (далее – БСЭ), Советский энциклопедический словарь (далее – СЭС), позволяет говорить о том, что до смерти И. В. Сталина энциклопедические и справочные издания исключали из себя атрибуцию «этический» для многих категорий. Для наглядности приведем пример представления категории долга в изданиях до и после смерти И. В. Сталина.

Обратимся к дефиниции категории долга в БСЭ 1952 года: «Долг – обязанность человека по отношению к обществу, Родине, государству, классу, партии» [2, с. 11].

Коренные изменения мы можем наблюдать в СЭС 1987 года: «Долг – категория этики, нравственная обязанность человека, выполняемая из побуждений совести» [12, с. 330].

В более поздних энциклопедических изданиях долг определяется как структурная единица категориального аппарата этики. Кроме того, из содержания дефиниции также исключен императив социальных институтов, который предъявлялся индивиду.

При обращении к морали как предмету этического знания мы обнаруживаем, что в изданиях БСЭ при жизни И. В. Сталина подобная категория отсутствовала вообще. Причем, мы можем наблюдать, что семантическое ядро было сохранено, однако категория выступала лишь как атрибутивное свойство, например, «моральное ожидание», «моралите» и т.д. Включение в БСЭ морали как ведущей категории, предмета исследования этической науки, состоялся уже в дефинитивный период (словарная статья, как и описание многих других исследовательских категорий, были составлены отечественным специалистом в области истории философии и этики О. Г. Дробницким). Необходимо отметить, что в словарной статье третьего издания БСЭ мораль выступает именно как «...особая форма общественного сознания и вид общественных отношений...» [1, с. 559]. Наблюдая подобные различия в изданиях можно прийти к выводу, что мораль становится специфической формой сознания и определяется как предмет этики уже после смерти И. В. Сталина. Завершая разговор о свойствах словарных статей, посвященных этическим категориям, необходимо отметить, что обнаружение частых случаев подобных различий в дефинициях наглядно подчеркивает псевдорелигиозный характер этической эпохи, когда светская мораль как особая форма сознания не могла существовать.

Представленный выше анализ свидетельствует о том, что между этикой культа личности и светской этикой после смерти И. В. Сталина существовали противоречия, которые могли быть решены только лишь изменением дефиниций, проработкой и изменением словарных статей. Данный факт определяет наличие двух разных парадигм этического знания, коренным образом отличающихся друг от друга. Фундамент парадигмы светской этики в 60-е годы XX века базировался на постулате Г. Ф. В. Гегеля о разделении морали и нравственности. Мораль выступала как форма сознания, нравственность же определяла сферу действий и поступков индивида в социокультурной действительности. Определим данную оппозицию как основу парадигмы советской этики и попытаемся выявить те категории-заменители, которые составляли подобную оппозицию этики сталинского периода.

Основой моральной идеологии этики культа личности является категория долга. Долг в эпоху культа личности превращается в форму сознания, замена морали долгом происходит потому, что последний не может иметь нравственного содержания, являясь категорией моральной идеологии, которая определяет деятельность индивида в обществе и культуре. Долг выполнял функцию связующего звена моральной идеологии, необходимый компонент для принятия, понимания и воплощения в жизнь распоряжений вождя. По сути, долг можно трактовать как специфическую форму общественного сознания, свойственную этике сталинизма. Культ личности сокращает этические категории, которые осваивает социум: наблюдается исчезновение категорий добра и зла, они сливаются в понятие долга. Дихотомия мораль-нравственность (мораль – форма сознания, нравственность практическая реализация морали) заменяется совершенно иной оппозицией: долг-полезность поступка. Долг в этике сталинизма становится специфической формой сознания, заменяя собой мораль светского гуманизма, определяя данный этический тип как псевдорелигию. Распоряжения вождя и руководства партии являлись догмами, обязательными к исполнению, находящимися выше добра и зла. Приказы вождя и партии воспринимались индивидом как максима, обязательная к выполнению. Подобная морально-нравственная система создала благоприятные условия для возникновения репрессий колоссального масштаба. Отечественный историк М. Г. Степанов, вслед за А. С. Ахиезером, утверждает, что «большой террор» в СССР сталинской эпохи носил всеобъемлющий и тотальный характер: «...Это было невиданное в истории самоистребление. Все население страны должно было работать, обеспечивая пополнение лагерям: доносить, арестовывать, оформлять дела, транспортировать, охранять, расстреливать и т.д. Все другие проблемы (например, эффективность производства) были отодвинуты на задний план: не было дела более важного, более срочного, нежели выполнение контрольных цифр истребительного плана» [13, с. 179]. Партия как коллективный орган управления государством перестает существовать. По мнению отечественного историка М. Ю. Павлова, Сталин сумел «...образовать из руководящего партийного органа страны жестко централизованную и всецело подчиненную ему организацию...» [8, с. 159]. Сознание индивида эпохи культа личности, его отражение психической действительности связано непосредственно с вождем, абсолютом, действия и распоряжения которого не могут подвергаться сомнению. В практической деятельности индивида преобладает критерий полезности. Такие поступки, как перевыполнение плана на угольной шахте и донос на соседа, который рассказал анекдот о вожде, будут равноценны, так как оба поступка полезны для партии. Социальная и культурно-творческая действительность сталинской эпохи не разграничивает различий добра и зла, поскольку отсутствуют критерии оценки поступка – он не может быть хорошим или плохим, единственный критерий заключается в пользе поступка для курса партии.

Первенство догмата, фанатичное обожание вождя и приближенных ему функционеров, неразграничение категорий добра и зла позволяют нам сделать вывод о том, что этика сталинского периода выступает как религиозно-фанатичное образование. К такому же мнению приходит и современный отечественный философ Р. Н. Редих в своей работе «Сталинизма как духовный феномен». По его мнению, этика сталинизма являлась по происхождению псевдорелигией: «...Показная, внешняя сторона этики сталинизма исходит уже не из марксистской теории, а из сталинской псевдорелигии. Верховный жрец и божество этой псевдорелигии —

Сталин, и различие между должным и недолжным, между «революционной целесообразностью» и «социал-предательством», между «генеральной линией партии» и «изменой» (Родине, делу Ленина-Сталина и т.д.) принадлежит исключительно ему» [11, с. 70].

Интересное мнение высказывает Р. Н. Редих и относительно особенностей категорий сталинской этики: «Совестная оценка поступков чужда сталинизму. Она подменяется оценкой их целесообразности. То, что служит целям сталинизма одобряется не потому, что почитается за добро, а потому, что само одобрение рассматривается как стимул для дальнейших аналогичных поступков, то есть потому, что одобрение это тоже целесообразно» [Там же, с. 71].

Разрушение классической оппозиции «добро-зло» приводит к деформации ценностной системы индивида, ввергая его сознание в ряд неразрешимых противоречий. Существование индивида внутри подобной этической системы, освоение специфической социокультурной среды как продукта данной системы определяют изменение одной из основных этических категорий – совести. Можно с уверенностью сказать, что категория совести в сталинской этике трансформируется в страх. Разоблачения врагов регулярно публикуются в периодических изданиях, оглашаются на местах, обличение классовых врагов – все эти факты поддерживают чувство постоянной опасности, настороженного инстинкта к любому мнению, отличному от курса партии. Словесно не может быть выражено никакое инакомыслие. Внутренние несогласия и противоречия с действительностью трансформируются в чувство вины, которое со временем преобразуется в глубокий страх не перед партией, но перед абсолютным вождя как таковым.

На чем же основывается этика культа личности? Учитывая ее религиозно-фанатичный характер, определяя ее как псевдорелигиозную этику, отметим, что в основе ценностной системы лежит псевдовера в абсолют, который представляет собой фигуру вождя – И. В. Сталина. В исследованиях зарубежного философа П. Тиллиха подобная вера определяется как «состояние захваченности предельным интересом, по отношению к которому все прочие интересы выступают как предшествующие и который включает в себе ответ на вопрос о смысле нашей жизни» [Цит. по: 4]. По мнению П. Тиллиха, именно «предельный интерес» человека определяет его стремление к абсолютизации действительности, поиску объекта, который «превращается в некоего бога» [14, с. 161].

Абсолютизация личности, превращение индивида в божество приводят к возникновению псевдорелигии с особой ценностной парадигмой, в основании которой находятся такие категории, как долг, страсть, вера в избранное божество.

Одной из ключевых задач исследования будет определение составляющих религиозно-фанатичной природы этики эпохи культа личности. Исследование связей божественного абсолюта – вождя и личности обывателя эпохи Сталина может оказать решающее значение в доказательстве псевдорелигиозной природы этики данного периода.

Личность вождя и его авторитет находятся в неразрывной связи с каждым, кто исповедует сталинскую мораль. Абсолютизация личности вождя разрастается до размеров, включающих в себя особые ценностные представления. Иллюстрацией подобной связи могут являться состояния всеобщего страха, чувство кризисности, непрочности бытия человека и общества, массовые самоубийства комсомольцев после убийства С. М. Кирова, смерти И. В. Сталина. Каждое из этих событий знаменовало неразрешимые противоречия в сознании индивида, культурно-творческий коллапс и социальный кризис. Ярким примером подобного противоречия является судьба писателя А. А. Фадеева. Перелом системы ценностей, внутренний конфликт с собственной совестью, обвинения в участии над репрессиями коллег по перу привели к самоубийству писателя. Противоречия с новой морально-этической действительностью в полной мере отражаются в предсмертном письме А. А. Фадеева: «... жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, уйду из жизни...» [10, с. 151]. Атмосфера всеобщей скорби, ощущение конца, массовый психоз и, как следствие, самоубийства можно наблюдать на протяжении всего правления И. В. Сталина. Обращаясь к воспоминаниям М. С. Горбачева, можно отметить, что подобные настроения преследовали и смерть В. И. Ленина: «... люди, верившие в него, как в Бога, покончили жизнь самоубийством» [6]. Определяя логическую взаимосвязь данных фактов, можно с уверенностью говорить о том, что существует эсхатология этики культа личности (хотя в традиционном значении термин «эсхатология» предстает как «религиозное учение о конечных судьбах отдельных людей, всего человечества и мира в целом» [15, с. 1230]), а эсхатологические настроения становятся частью общественного сознания эпохи сталинизма.

Особенно сильно эсхатологические настроения проявились после смерти И. В. Сталина, когда они переросли в так называемую эсхатологическую истерию. Так, современный отечественный исследователь И. Г. Яковенко, отмечает, что «эпизод всплеска массовой эсхатологической истерии в СССР падает на памятные старшему поколению похороны И. Сталина» [16, с. 89]. Эсхатологическая истерия применительно к этому ключевому событию истории СССР может быть понята двояко.

С одной стороны, под эсхатологической истерией следует понимать коллективное навязчивое поведение с выражением сильных эмоциональных и физических реакций на какое-либо событие, способное привести к гибели большого количества людей. Примечателен факт массовой истерии во время похорон И. В. Сталина, которая вылилась в большие человеческие жертвы. По свидетельству отечественного историка Д. А. Волкогонова, «скопление народа было столь велико, что в нескольких местах на улицах Москвы возникали ужасные давки, унесшие немало человеческих жизней...» [3]. Поэт Е. Евтушенко по поводу этого события отмечает:

«Я носил в себе все эти годы воспоминание о том, что я был там, внутри этой толпы, этой чудовищной давки. Эта толпа – гигантская, многоликая... У нее было в итоге одно общее лицо – лицо монстра. Это и сейчас можно видеть, – когда тысячи собравшихся вместе людей, быть может, симпатичных каждый в отдельности, становятся монстром, неуправляемым, жестоким, когда у людей перекашиваются лица... Я помню это, и это было зрелище апокалипсическое (*эсхатологическое – курсив Е. Я., Е. М.*)...» [5].

С другой стороны, под эсхатологической истерией следует понимать особое состояние общества, характеризующееся резким всплеском идей о приближающемся окончании существующего миропорядка, разрушении структурных связей и дестабилизации механизмов социального управления. Именно смерть И. В. Сталина для большого количества советских людей символизировала разрушение существующего миропорядка и распад социальной реальности, ощущение кризисности и нестабильности общества. Как справедливо отмечает современный отечественный исследователь Ф. Н. Петров, «в периоды социальных кризисов, когда старая социальность изживает себя и множество людей ощущают себя существующими перед распахнувшейся неизвестностью эсхатологическое сознание широко распространяется в обществе...» [9, с. 22].

По нашему мнению, на распространение эсхатологического сознания в обществе оказала влияние геополитическая и историческая обстановка конца 40-х – начала 50-х гг. XX века, на фоне которой смерть И. В. Сталина воспринималась наиболее остро. Сюда, прежде всего, следует отнести начало глобальной геополитической, военной, экономической и идеологической конфронтации между СССР и США, получившей название «холодная война». Именно в этот период мир оказался на грани ядерной войны, способной поставить под угрозу существование целых стран, континентов и всей человеческой цивилизации, учитывая тот факт, что обе страны располагали определенным ядерным потенциалом (в 1949 г. в СССР была испытана атомная бомба, а в 1953 г. – создана термоядерная бомба, что положило начало гонке вооружений между двумя сверхдержавами).

Суммируя все вышесказанное, можно с уверенностью говорить о специфической природе общественного сознания эпохи культа личности, которая может быть охарактеризована как эсхатологическая. Возможно ли, говорить об эсхатологии применительно к этике сталинизма? По нашему мнению, да, поскольку псевдорелигиозная природа сталинской этики «...направляет интерес на такие объекты, как нация, наука, особая форма или состояние общества или высший идеал человечества, которые в этом случае рассматриваются как божественные» [4]. Исследовательский интерес к природе псевдорелигиозной этики эпохи Сталина не угасает и в современном научном сообществе. Попытка реализовать анализ, апеллируя к эсхатологическому компоненту этической системы, определяя эсхатологические маркеры в общественном и культурном сознании эпохи сталинизма, может обеспечить научный плацдарм для будущих исследований сталинской этики как псевдорелигиозной системы. Актуальное состояние истории этики требует объективно научных и систематических исследований периода культа личности И. В. Сталина. Результаты подобных исследований будут являться обоснованием необходимости развития морального теоретизирования как ведущего метода научного знания в отечественной этической мысли 60-70-х годов XX века. Единственный систематический труд по сталинской этике, обосновывающий ее псевдорелигиозную природу был издан отечественным философом Р. Н. Редлихом. Однако состояние современной этической и религиоведческой мысли требует результатов, основанных на современном научном знании, максимально объективном, дистанцированном от политического субъективизма. Авторы исследования надеются, что логика работы и ее основные тезисы окажут позитивное влияние на конкретно-научное стремление к исследованиям эпохи культа личности И. В. Сталина специалистами по истории этики и исследователями псевдорелигии как феномена.

Список литературы

1. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 16. Мезия – Моршанск. 616 с.
2. **Большая советская энциклопедия:** в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: государственное научное издание «Большая советская энциклопедия», 1952. Т. 15. Докеры – Железняков. 652 с.
3. **Волкогонов Д. А.** Сталин. Политический портрет: в 2-х кн. [Электронный ресурс]. М.: Новости, 1992. Кн. 2. 704 с. URL: http://militera.lib.ru/bio/volkogonov_dv/11.html (дата обращения: 15.03.2014).
4. **Забияко А. П.** Теологические трактовки квазирелигий (концепции И. Ваха и П. Тиллиха): доклад, представленный в рамках проекта «Наука и духовность» при поддержке Фонда Тэмплтона. Конференция «Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института философии РАН, 2005-2006. URL: http://iph.ras.ru/site/sci_spir/papers/zabiyako.html (дата обращения: 12.03.2014).
5. **Костина Д.** Быть в толпе, но ею не являться [Электронный ресурс] // *Best of Security*. 2007. № 13. URL: http://www.bos.dn.ua/view_article.php?id_article=261 (дата обращения: 15.03.2014).
6. **Материалы круглого стола, проводимого журналом «Знамя» и международным общественным фондом социально-экономических и политологических исследований, посвященного 50-летию XX съезда КПСС** [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/7/ko9.html> (дата обращения: 12.03.2014).
7. **Назаров В. Н.** Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960-1990) // *Этическая мысль*. 2003. Вып. 4. С. 179-197.
8. **Павлов М. Ю.** А. И. Микоян и формирование сталинской фракции в политбюро // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-159.

9. Петров Ф. Н. Эсхатология: философско-религиозный анализ (исторический аспект): автореф. дисс. ... к. филос. н. Екатеринбург, 2001. 23 с.
10. Предсмертное письмо Фадеева А. А. в ЦК КПСС. 13 мая 1956 // Известия ЦК КПСС. № 10. 1990. С. 147-151.
11. Редлих Р. Н. Сталинщина как духовный феномен. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. 239 с.
12. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 4-е. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 1600 с.
13. Степанов М. Г. «Большой террор» в СССР (1937-1938 гг.): проблемы концептуального осмысления в современной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 178-181.
14. Тиллих П. Динамика веры // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юристъ, 1995. С. 132-215.
15. Элбакян Е. С. Эсхатология // Религиоведение: энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006.
16. Яковенко И. Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 87-95.

ESCHATOLOGICAL FUNDAMENTALS OF ETHICS OF I. V. STALIN'S CULT OF PERSONALITY

Yakimova Elena Georgievna, Ph. D. in Philosophy

Mart'yanov Evgenii Yur'evich

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University

helenal83@yandex.ru; e_martianov@yahoo.com

The article is the experience of the analysis of the nature of Stalinism ethics, which is defined as a pseudo-religious system. The analysis is carried out by the authors through the eschatological component of pseudo-religion. The researchers give a number of evidences of the presence of eschatological constituent part in the social and cultural life of Stalin's era: the experience of moral theorization, the analysis of dictionary entries definitions, and the historical analysis of sociocultural reality in the period under study. On the basis of such synthesis the authors come to the conclusion that the change of the system of ethical categories, the particular type of socio-political and cultural reality formed a specific ethical system, which is defined as a pseudo-religion.

Key words and phrases: eschatology; pseudo-religion; duty; utility; fear; personality cult; Stalin.

УДК 130.2

Философские науки

По мнению автора, распространенная точка зрения о том, что «эпоха новых религиозных движений (НРД)» начинается с массового распространения НРД в США и Западной Европе в 1960-1970-е гг., методологически не обоснована и представляет собой механическое распространение специфики религиозных процессов на Западе на историю религии в целом. Не следует и преувеличивать связь генезиса НРД с процессами секуляризации. Феномен НРД представляет собой универсальную константу всемирной истории, и при его изучении необходимо учитывать всеобщие закономерности становления и функционирования религиозных инноваций в контексте цивилизационной специфики конкретного общества в определенный период его исторического развития.

Ключевые слова и фразы: новые религиозные движения; история религий; религиогенез; секуляризация; секулярное общество; постсекуляризм.

Яшин Владимир Борисович, к.и.н., доцент

Омский государственный педагогический университет

yashin.vb@mail.ru

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ©

Начало «эры новых религиозных движений (НРД)» большинство исследователей возводят к 1960-70-м гг., приводя в качестве основного аргумента то обстоятельство, что именно в указанное время сначала в США, а затем в Западной Европе имело место «взрывоподобное» появление многочисленных религиозных новообразований. Ставшее на Западе в те годы массовым увлечение НРД обычно интерпретируется как нечто беспрецедентное, не имеющее исторических аналогов и присущее исключительно обществу позднего модерна и постсовременности.

Однако такой подход представляется методологически несостоятельным, поскольку редуцирует проблему генезиса новых религий в тенденциозном духе вестерноцентризма. Ставшая уже едва ли не общепринятой нижняя хронологическая граница истории НРД выбрана по случайным, не существенным критериям и определена главным образом факторами, во многом носящими субъективный характер. С тем же успехом можно было бы возвести истоки феномена НРД, например, к Японии начала XIX в. – как известно, за последние